

ПОВѢСТИ.

ВОТЪ ЛЮБОВЬ!

Елисаветъ Николаевнѣ Смирнитской.

Что есть любовь? Много про нее и въ книгахъ пишутъ и рассказываютъ, да все, мнѣ кажется, не такъ. Послушать только молодчиковъ, что они рассказываютъ и про какую любовь говорятъ. Вотъ-такъ, лишь бы только! Поговорилъ съ дѣвушкою, уже и увѣряетъ, что любить ее, а очень часто не знаетъ, каково у дѣвушки сердце, какова душа. А безъ того не можно никого любить. Когда бъ же поговорилъ, такъ бы еще и сякъ и такъ; а то только замѣтилъ, что на головѣ у нея положены красивыя ленты, шолковая запасочка (передникъ) и сама вся ловкенькая и приглянулась изо всѣхъ, вотъ и говорить, что полю-

билъ и убивается за нею.... А какъ еще у нея на шеѣ нитокъ десять намиста, да три-четыре креста серебрянныхъ и между намистомъ привѣшены Голландскіе червонцы — явный признакъ, что она дочь богатаго отца — такъ тутъ уже совсѣмъ умираетъ!... Какъ же на другой день увидѣлъ — не то, чтобы красивѣйшую — а только другую, уже любить эту, а про вчерашнюю и не вспоминаетъ!... Это ли любовь?

Иной, да нечего правды таить, таки-прямо скажу и иная, слушая, что въ глаза его или ее хвалятъ: «какая славная дѣвушка! какая ловкая, проворная!» или: «какой красивый молодецъ! какой статный, бойкій!» вотъ сердечко отъ похвалы заиграло, и покажется, что полюбилъ того, кто хвалитъ. А это онъ или она, не кого любить, какъ себя, и думаетъ, что вотъ это правду такъ въ глаза и говорятъ; такъ это уже не любовь, а нѣчто въ родѣ благодарности, что меня хвалятъ, и чувствуется какое-то удовольствіе, слушающая похвалы. Вотъ-же, божусь, что это не любовь, а такъ, игрушка, забава, вѣтеръ. Вѣтромъ нанесло, вѣтромъ и выгонитъ.

И мало ли что людьми принимается за любовь? У нихъ любовь и отъ черныхъ глазъ, отъ долгой косы, отъ румяныхъ щокъ, отъ нарядной плахты, отъ вышитыхъ рукавовъ, отъ танцовъ, проворства... да я же говорю, что и чрезъ намисто и чрезъ всякое

богатство, все у нихъ любовь! И тамъ говорятъ любовь, гдѣ ее и капельки нѣтъ.

Послушайте меня; я-таки пожилъ на свѣтъ, видѣлъ въ свой вѣкъ много кое-чего, а кое-что слышалъ отъ стариковъ. Видѣлъ и добро и худо, разберу по немногу что черно, а что бѣло. Видѣлъ я, живши столько на свѣтъ, всякую любовь, и какое отъ нихъ послѣдствіе, такъ могу прямо сказать: «вотъ любовь!»

Истинная любовь не присматривается, черные или каріе глаза, съ горбикомъ ли носъ, бѣлая ли шея, долгая ли коса; ей до этаго вовсе нѣтъ дѣла. Часто бываетъ, что одинъ другаго не очень и разсмотрѣли; не проговорили между собою ни словечка; не знаютъ, кто и откуда, а уже одинъ одного знаетъ, одинъ одного хоть гдѣ такъ узнаетъ, одинъ на другаго смотритъ, одинъ безъ другаго скучаетъ, и какъ бы могли, оба бросились бы одинъ къ другому, сцѣпились руками и не разлучались бы ввѣкъ.

Когда такъ душа нашла другую, что какъ сестры-себѣ родныя, сердце съ сердцемъ сдружилось, то уже имъ и не можно розно жить, надобно имъ сойтись, надобно имъ, одному для другаго, утѣхою и отрадою быть. Такіе не долго станутъ медлить, скоро сойдутся, словно давнишніе пріятели, будто были когда-то вмѣстѣ, но разлучились, а теперь вновь

**

сошлись. Станутъ между собою говорить, мысль у нихъ одна, рѣчи знакомы, оба одинаково обо всемъ разсуждаютъ, оба обо всемъ одно знаютъ, одного желаютъ, одно любятъ, одного не хотятъ, одного удаляютъ.

Такъ бываетъ между людьми, все равно, мужчины ли они, или мужчина съ дѣвушкою, или женщины между собою. Тутъ знаютъ себя только души, а до прочаго нѣтъ дѣла. Лишь бы они были вдвоемъ, то имъ ничто не нужно: имъ и сквозь тучи солнце сіяетъ, имъ и подъ дождемъ сухо, на морозъ тепло, въ пустынь весело. Молчать, а одинъ другаго мысль знаетъ; одному горе, другой точно также страдаетъ; одному весело, другой забываетъ свою скуку. Одному нужно ниточку, другой радъ все имущество отдать ему; одинъ ищетъ получить что, другой хлопочетъ, ничего не жалѣетъ, все оставляетъ, лишь бы его успокоить. Одному придется слѣзку пролить, другой всю кровь свою радъ отдать, чтобъ утѣшить его; одного притѣсняють, обижаютъ, другой за него и на муку, и на смерть готовъ. Когда одному изъ нихъ приходится пострадать, вѣкъ жить въ бѣдѣ, другой, не думая долго, самъ кидается въ бѣду, лишь бы другу его было хорошо. «Пострадаю, говоритъ; если и не вытерплю, умру? нужды нѣтъ, но кого люблю, защищу отъ бѣды, избавлю отъ горя.»

Вотъ сама истинная любовь, хоть между мужчинами или и между женщинами. Нѣтъ моего ниче-

го, все пріятелево. Не для себя живу, для друга, какъ и онъ для меня.

А когда такая любовь родится между молодымъ мужчиною и дѣвушкою, и они соединятся бракомъ, такъ вотъ благодать Господня!... Живутъ какъ въ раю: не только ссоръ и споровъ нѣтъ между ними, но и мысли противной одинъ противъ другаго не имѣютъ; одинъ другому смотритъ въ глаза, какъ бы угодить, какъ бы развеселить....

Когда же такіе любящіеся видятъ, что имъ не возможно соединиться, иначе одинъ чрезъ другаго будетъ страдать, бѣды терпѣть; такъ онъ охотнѣе на всякое горе самъ пойдетъ, самъ вѣкъ счастья не узнаетъ, уѣдетъ, чтобъ и слуха о немъ не было, лишь бы друга избавить отъ бѣды, удалить всякое горе!...

Знаю, что вы скажете: «это между мужчинами такъ бываетъ; а у молодаго мужчины съ дѣвушкою совсѣмъ не такъ. Имъ лишь бы вмѣстѣ жить, то они не думаютъ ни о какой бѣдѣ. На все пойдутъ, лишь бы имъ не разлучаться. Хотя бы вѣкъ терпѣть горе, но жить вмѣстѣ....

Такъ, да не такъ поступаетъ самая истинная любовь. У ней нѣтъ своей воли, своего желанія, своего счастья. Она живетъ другимъ и для другаго.... Да вотъ, всего лучше, я вамъ расскажу самую су-

щую правду, что не далеко было, а въ нашемъ Харьковѣ. Правда, было это не теперь; не знаю, водится ли еще гдѣ истинная любовь? а это происходило въ старину, да именно было это. Можетъ, есть еще старые люди, что подтвердятъ мои слова.

Хорошъ городъ Харьковъ: обширный, веселый, что церквей Божьихъ, что господскихъ палатъ, что казенныхъ домовъ! Судебныя мѣста, школы всякія, и для мушницъ и для барышень; домъ владыки, почта, тюремный замокъ.... батюшки! какихъ-то домовъ въ немъ нѣтъ? Хорошіе, да огромные, да все каменные и крыши зеленою краскою выкрашены.... или колокольня среди города, какова? Когда хочешь ея верхъ увидѣть, то прежде крѣпко надвинь шапку на голову, да тогда и поднимай голову, ищи—гдѣ увидишь верхъ съ святымъ крестомъ; да и то смотри, что хоть шапка и не слетитъ, такъ самъ чтобъ не упалъ черезъ спину.... такая-то высокая наша колокольня! А сколько же въ Харьковѣ улицъ, такъ батюшки мои! Длинныя, прямыя, есть и вымощенныя; хоть въ самую великую грязь—не опасно, не увязнешь, хоть и слабые быки будутъ. Такъ вотъ такой-то нашъ городъ!... Я же говорю, что какъ бы всталъ кто-нибудь изъ дѣдовъ нашихъ, что лѣтъ семьдесятъ какъ умеръ, такъ онъ и не узналъ бы, что это такое и есть; не нашелъ бы, гдѣ самый городъ, и гдѣ слободы, что при немъ были гораздо за городомъ, какъ-то: Дмитровка, Гончаровка, Панасовка и прочія—онъ

бы удивился, увидѣвъ, что тѣ слободы стали въ самомъ городѣ. При немъ, вотъ только и города было, гдѣ соборъ, а противъ собора, гдѣ теперь суды и палаты, стоялъ домъ полковника Квитки, у коего, въ славномъ Полтавскомъ году, на праздникъ Вознесенія, обѣдалъ Царь Петръ. Лавокъ, и то деревянныхъ, было ли всего съ десятокъ, и наибогатѣйшій купецъ былъ Мѳренко—и чего-то въ его лавкахъ не было! Былъ всякій товаръ купеческій, былъ и господскій и для женъ ихъ; было кое-что и для простаго народа. Полнымъ именемъ былъ купецъ. За лавками тотчасъ городской валъ и мимо сапожнаго ряду кругомъ къ Лопани. Въ этой небольшой крѣпости было трое воротъ: за лавками «Деркачевская башта,» въ теперешнемъ сапожномъ ряду «Протопопская,» а третья тотчасъ спустяся отъ университета. Вотъ и весь городъ; а вездѣ, гдѣ дворики нѣсколько, и церковь; вотъ какъ на Подоль у Троицы, за Харьковомъ, за Лѳанью. Тотчасъ за тою рѣкою, гдѣ теперь огромные и хорошіе дома, тамъ были озера, камышомъ поросшія, а туда далѣе вверхъ по рѣкѣ стоялъ тогда господскій домъ, большой и красивый по тогдашнему. То былъ домъ пана Дунина.... Гай, гай! Какая въ томъ домѣ жила праведная душа, пани Дунинова! старосвѣтская барыня! Какъ Богъ не далъ ей дѣточекъ, такъ она благодѣтельствовала чужимъ, да какимъ? Гдѣ прослышитъ самыхъ бѣднѣйшихъ сироточекъ, возьметъ, какъ родная мать заботится о нихъ, присматриваетъ, ласкаетъ, нѣжитъ, научить

всему; мальчиковъ, по возрастъ, отдасть въ службу —смотри, щеголяетъ офицеромъ; дѣвушекъ же отдасть за мужъ и все за хорошихъ людей. А когда умирала, такъ имъ и деревни свои отказала.... Вотъ такая она была — царство ей небесное! Вотъ ея-то домъ былъ красою не только за Лопанью, но и на весь городъ. Недавно еще сняли его. Тамъ теперь новый базаръ.

А туда-туда подалѣе, къ холодной горѣ, слободы: Панасовка, Гончаровка, а потомъ и на бывшемъ тогда городскомъ кладбищѣ у церкви Дмитрія начали селиться, и была Дмитровка.

Первый на Гончаровкѣ поселился — какъ рассказывала мнѣ очень древняя старушка; я-было къ ней захожу разспрашивать про старину, такъ говорила, что первый поселился какой-то Козьма гончаръ (горшечникъ); такъ вотъ отъ него, сынокъ (такъ она мнѣ говорила), и прозвалася Гончаровка. А у него было три сына женатыхъ и три невѣстки, да четыре дочери. Да что же то за дѣвки красивыя были, такъ и сказать не можно! Таки точнѣхонько какъ картинки. А невѣстки, гдѣ-то ихъ отецъ подбиралъ? Таки вотъ какъ одна: чернобровыя, румяныя, блѣлыцыя, словно цвѣточки. Отъ нихъ-то, сынокъ, и пошла Гончаровка и дѣвки красивыя на славу. Не было ни въ самомъ городѣ, ни въ сѣлахъ нигдѣ, ни между господами, ни между поповнами, такихъ вид-

ныхъ и красивыхъ дѣвокъ, какъ у насъ, на Гончаровкѣ. И бывало, когда какую дѣвку захотятъ похвалить, то и говорятъ: «какая красивая дѣвка, словно съ Гончаровки.»

«Вотъ же и я, сынокъ, сама съ Гончаровки — говоритъ-было старушка, и станетъ выправляться и губы облизывать, а уже было ей такъ-что лѣтъ девяносто — и я когда-то была дѣвка не последняя по Гончаровкѣ. Теперь только такъ что-то, послѣ лихорадки ли или что, а то и за мною бѣгали офицеры, какъ еще стоялъ здѣсь графъ Панинъ и шелъ съ войскомъ отбивать Бендеры отъ Турокъ.»

Вотъ въ ту-то пору, какъ Панинъ стоялъ въ Харьковѣ, то въ самомъ городѣ не было достаточно квартиръ, и только помѣщены были необходимые чиновники, и то не изъ высшихъ: генералы не могли имѣть хорошихъ квартиръ, и Голенищевъ-Кутузовъ, отецъ прогнавшаго изъ Россіи Французовъ, квартировалъ на Основѣ, въ домѣ вдовы полковницы Квитки, въ двухъ верстахъ отъ города.

Пришла весна. Около дня Евдокіи (1-го марта) бугорки начали очищаться отъ снѣга, солнце сгоняло его, и днемъ было тепло. Въ праздничные дни весь народъ изъ города выходилъ на Гончаровку. И какъ еще: сидѣльцы запрутъ лавки, приказные оставятъ свою губернскую канцелярію и комиссарство, порт-

ные, сапожники, свитники, студенты коллегіумскіе (семинаристы) съ своими инспекторами, а подѣ часъ и важные ихъ учителя; офицеры, и всякаго рода чиновники, и молодые, и среднихъ лѣтъ и постарѣе, всѣ, кучами идутъ.... куда-же? на Гончаровку. А за чѣмъ? Смотрѣть, какъ тамъ дѣвки играютъ въ хрещика, ворона, водятъ хороводъ, кривой танецъ и другія игры. Можетъ, гдѣ бы ближе имъ смотрѣть? Вездѣ же весна, вездѣ дѣвки играютъ; такъ нѣтъ, на Гончаровку, всѣ на Гончаровку! Нѣтъ нигдѣ такихъ дѣвокъ красивыхъ, проворныхъ, игривыхъ, веселыхъ, ловкихъ, какъ на Гончаровкѣ. На другихъ не хотятъ и смотрѣть, не хотятъ и затрогивать.

Вотъ уже и городъ какъ расселился, какаго народу въ немъ нѣтъ, а все Гончаровскія дѣвки въ славѣ.... а черезъ нихъ и Гончаровка всѣмъ извѣстна.... А сколько тамъ происходило разныхъ разностей! Не одинъ молодчикъ съ ума сходилъ отъ черныхъ бровей какой-нибудь Наталки! Не одинъ франтикъ терялся отъ поволоку глазокъ Мелашки! Не одинъ отцовскій сынъ и все имущество свое отдалъ бы и въ работники пошелъ, лишь бы Татьяна полюбила его! Такъ нѣтъ же, не на таковскихъ напали. Пожалуй: онъ всѣ веселенькія, ласковыя, игривыя.... а чуть не такъ подумаешь съ нею обходиться, тотчасъ отворотилась, надулась, не смотреть; не трогай ее, она тебя не знаетъ....

Я взросъ въ Харьковѣ, былъ молодъ, такъ какъ мнѣ не знать Гончаровки!

Ну-те, будемъ свое рассказывать. Хороши звѣздки на небѣ, но вечерняя красивѣе всѣхъ. Пока она сіяетъ, только на нее одну смотришь, а до другихъ дѣла нѣтъ. Хороши цвѣточки въ садахъ, не наглядись, не нарадуешься, смотря на нихъ; но какъ зацвѣтетъ пышная роза, такъ всѣхъ забудешь, все пройдеши безъ вниманія, а только на нее смотришь, одной ее желаешь. Такъ въ то время было на Гончаровкѣ: хороши, красивы, проворныя дѣвки играютъ въ разныя игры, хороводы водятъ, но одна между ними какъ полная роза между маковымъ цвѣтомъ, какъ вечерняя звѣздочка между всеми звѣздами.... Чья жъ она такая?

Жилъ на Гончаровкѣ хозяинъ достаточный. Было у него и скота нѣсколько, была земля и лѣсъ. Тотъ хозяинъ самъ всею управлялъ, имѣлъ батраковъ и только и зналъ, что годъ отъ году все богатѣлъ. Его хаты были съ двумя трубами*: хата съ комнатою, черезъ сѣни, напротивъ, другая хата. А въ дворѣ у него, чего только не было! И сараи для скотины, и клѣвы, и анбары и погреба.... а что въ нихъ было? Не солгавши можно сказать, что у инаго господина и въ половину не было столько имущества, сколько было у этаго человека. Войдите же въ его хату, такъ

* Признакъ богатаго мужика.

тамъ-то было хорошо, да прехорошо! Въ почетномъ углу (на покутъ), по всѣмъ стѣнамъ, все святѣяя иконы, и все хорошей работы, все Борисовскихъ иконописцовъ; большія и средственныя. Всѣ иконы украшены были разными цвѣтами: когда лѣтомъ, такъ настоящими, а зимою, дѣланными изъ цвѣтныхъ шпалеръ; предъ иконами, отъ потолка, на шелковинкахъ висѣли, сдѣланные также изъ шпалеръ, голуби; да какъ искусно были сдѣланы! настояще какъ живые. Кто-же-то ихъ такъ дѣлалъ? Ужъ не кто-же другой, какъ Галочка, дочь хозяйская.... Что-то за дѣвка была! Чего она не умѣла? Шить ли всякую работу, вышивать ли что, или какое-нибудь дѣло сдѣлать, все знала рѣшительно; и уже когда что сработаетъ, такъ точно, будто золотыми руками.

Алексѣй Таранецъ, этотъ хозяинъ, на бѣду свою похоронилъ жену еще въ молодости; и какъ у него осталась только одна дочечка, сироточка, эта Галочка, такъ онъ, жалѣя свое дитя, ни за что не хотѣлъ въ другой разъ жениться, потому-что какъ-бы ни была добра другая жена, а все для Галочки не будетъ родная мать, а мачиха: сиротѣ не будетъ отъ нее добра, да еще изъ-за своихъ дѣтей, хоть и не желая, иногда невольно обидитъ ее. Какъ же Галочкѣ было тогда не болѣе девяти лѣтъ, и уже видно было, что дитя будетъ добронравное, то онъ и придумалъ отдать ее для ученія къ монахинямъ, въ Хорошевскій монастырь, за 15 верстъ отъ Харькова. Тамъ пробыла

она до возраста и научилась всему доброму. Кромѣ того, что знала все приличное и нужное дѣвушка, выучилась хорошо молиться Богу, стоять въ церкви со страхомъ, подавать бѣднымъ, отца почитать, старость уважать и со всякимъ обходиться учтиво и кому какъ пристойно отвѣчать. Какъ бы ея воля, научилась бы и грамотъ, такъ тогда не въ обычаѣ было, чтобъ дѣвушка была грамотная; тогда и самыя важнѣйшія и богатѣйшія барышни не умѣли и не учились читать, потому-что это имъ не нужно было. И Алексѣй, отдавая Галочку къ монахинямъ, просилъ ихъ не учить ее грамотъ. «Не дѣвичье дѣло — такъ онъ говорилъ — грамоту знать; есть для нихъ другія занятія. Лишь бы была богобоязлива, а то и я прочитаю ей изъ писанія.» Алексѣй умѣлъ читать.

Черезъ это Галочка и не выучилась читать. Однакоже, то украдкою, то у молодыхъ послушницъ разспрашивая, то прислушиваясь, кое-что переняла и кое-какое слово, легонькое, по складамъ сложить и по верхамъ сказать могла, и тѣмъ удивляла потомъ подругъ своихъ. Была очень разумна: что ни увидитъ, все перейметъ, и каждаго, кто у ней чего спроситъ, научитъ и расскажетъ. Въ разговорахъ была скромна: не очень-было поспѣшить съ словомъ; когда же что скажетъ, то все къ дѣлу, все умно и кстати.

Алексѣй, отецъ ея, такъ тотъ очень грамотенъ былъ; за дѣячка хотъ гдѣ могъ управиться. Имѣлъ

свою Четъ-Минею, и все-было читаетъ ее. Любилъ, пригласивши дьячка, говорить съ нимъ изъ писанія; но какъ больше читалъ, нежели панъ дьякъ, то и зналъ больше, нежели онъ. А отъ того, часто какъ сойдутся, и говоривши много, и заспорятъ и долго продолжаютъ диспутъ то о Гогъ и Магогъ, то о Мельхиседекъ, то объ Ювъ; тотъ разумѣетъ одно, а другой отвѣчаетъ противное, и долго не ладятъ. Галочка, какъ услышитъ ихъ разгорячившихся, вмѣшается въ споръ ихъ и скажетъ по справедливости, не потворствуя и отцу. Тотъ хотъ-бывало и разсердится, что дочь не по его мыслямъ говорить, но раздумавъ, скажетъ: «Правда твоя, Галочка! Что-то какъ бы ты мальчикомъ была, я бъ тебя дьячкомъ поставилъ!»

— Не мудрости требуется въ дьячковствѣ—прикашливая скажетъ дьячокъ: но паче потребна сладкогласная гортань и крѣпкое знаніе устава и всѣхъ напѣвы догматиковъ и подобныхъ.

«Да уже справились бы за васъ,» скажетъ, было, Алексѣй, да и попотчиваетъ дьячка; то онъ и усмирится.

Когда Алексѣй взялъ изъ монастыря свою Галочку, то духъ его не нарадовался, видя разумъ ея, и что научена всякому дѣлу нужному и хорошо хозяйничала въ домѣ. Часто благодарилъ себя, что не женился въ другой разъ. Не было бы — разсуждалъ

онъ, такого порядка въ хозяйствѣ; а можетъ быть, махиха, какая бы случилась, загрызла бы мою Галочку, утѣху мою, радость мою и счастье.»

Души не слышалъ Алексѣй, такъ любилъ свою дочечку и заботился для нея обо всемъ. Хотя она ничего для себя не желала, такъ отецъ все ей доставлялъ. Каждый разъ, что продастъ привезенный товаръ, пріобрѣтетъ что, то тутъ же и купить ей обновъ, чего только вздумать можно и что только есть лучшаго. Какія были у ней плахты, запаски и другія убранства! Много было такого, что изъ самаго Шлѣнска (Гданска) привезено. Намисто съ привышенными червонцами, серебрянные кресты всякихъ величинъ, дукаты, медали золотыя, нитки дорогихъ янтарей... да чего у нея не было? Хотя и сама очень тонко пряла, но и въ простой день другой рубашки не вздѣвала, какъ съ Ивановскаго полотна; а на головѣ, вмѣсто лентъ, каждый Божій день повязывала золотую сѣтку. Такъ отецъ приказывалъ ей, чтобъ она наряжалась. «Я для тебя—говорить—ничего не жалю, не жалѣй же и ты ничего. Благодареніе Богу, пріобрѣлъ довольно, не переносишь всего за весь свой вѣкъ. Одно сносишь, десять поставлю. Пускай мое дитя всѣмъ будетъ видима.»

Три или четыре очень огромныхъ сундука, и всѣ на колесахъ, полнехоньки наложены были всякимъ добромъ, кромѣ постели и подушекъ, что ле-

жали въ кладовыхъ, ожидая своего часа.... а часть все не приходилъ.

Сколько-то перебивало и старость по обряду, и такъ присланныхъ людей для переговорову, чтобъ сватать Галочку! Каждый день, женихи, одинъ за другимъ, являлись. Ганчаровскіе парубки, видя разъ—и десять разовъ, что не то, перестали и думать получить ее. Пробовали счастья и городскіе и деревенскіе; и изъ какихъ-то селъ не было! со всѣхъ мѣстъ, даже изъ Водолаги, и туда слухъ про Галочку прошелъ, со всѣхъ мѣстъ присылали сватовъ. А какіе хорошіе люди были! Про свитниковъ и говорить не будемъ, ни про сапожниковъ; на ихъ предложенія Галочка только-было улыбнется, да губкою мигнетъ—такъ такіе женихи почешутъ затылокъ, и уйдутъ не оглядываясь. Такая же честь была и хлѣбопашцамъ, хотя бы и одинъ онъ сынъ былъ у отца; она не очень на нихъ смотрѣла. Пробовали мѣщане и купцы; являлись поповичи, такъ и попадьей не хотѣла быть. Да что говорить: пріѣзжали и такіе, что, кромѣ всякаго во всемъ достатка, имѣли свои винокурни и выгодно сбывали горѣлку, такъ и такимъ Галочка-было поблагодарить за ихъ беспокойство и скажетъ привѣтливо: «Что же мнѣ, люди честные, дѣлать, когда ваши женихи мнѣ не по натурѣ.»

Отецъ только и зналъ, что встрѣчалъ и провожалъ сватовъ; и отъ него всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ:

«Какъ дочка захочетъ. Я не принуждаю ее; отдалъ ей на волю.» И точно такъ было; онъ сказалъ ей прежде всего: «За кого моя доня пожелаетъ, тотъ и мой зять будетъ—хотя бы за самого бѣднѣйшаго, лишь бы тебѣ былъ любезенъ. Хвалю Бога: имущества и всякаго добра у тебя столько, что и на десять вѣкъ станеть, лишь бы жилое. Выбирай сама, кто тебѣ по сердцу, и скажи мнѣ: придется ли тебя на сторону отдать или зятя къ себѣ принять, мнѣ все равно, я вездѣ за тобой пойду.»

Вотъ потому-то Галочка и не шла ни за кого, что никто не приходилъ ей по сердцу, ожидала своего. А ожидая, не унывала; потому-что знала, что когда-нибудь встрѣтится же ей такой, кого она изберетъ. А до того времени гуляла съ подружками какъ птичка въ воздухѣ, была весела какъ майскій день, игрива какъ вѣтерокъ между цвѣточками, ко всякому привѣтлива какъ красная весна, въживала со всеми какъ барышня, а работающая какъ пчелка; и какъ та работаетъ все медъ, такъ и у Галочки всякая работа была на пользу и на выгоду. Чрезъ всю педѣлю, въ будни, никто ее не увидитъ нигдѣ, и даже съ подругами-дѣвками или съ молодцами она не видалась: все за работою, да по хозяйству; пѣтый день рукъ не покладывала. Не видно было ее ни на улицѣ, какъ обыкновенно дѣвки по вечерамъ собираются, да пѣсни поютъ, ни на вечерницы никогда не ходила; а вотъ уже на игрищахъ, ольтомъ на купала, весною,

въ великій постъ въ хороводъ, въ вѣрона, въ хрещика, тутъ она рада была играть съ подругами и говорила: «Это днемъ и при всѣхъ людяхъ. Всѣ видятъ, что я дѣлаю, какъ играю, и никто обо мнѣ ничего не подумаетъ.»

Такъ потому-то весь Харьковскій міръ, съ полудня, въ праздничные дни собирался на Гончаровку, потому-что тутъ всякій навѣрное надѣялся увидѣть ее, и кромѣ того нигдѣ нельзя было встрѣтить ее. И сколько-то соберется народа на Гончаровской улицѣ! Молодые паньичи особо кучею ходятъ и выбираютъ, что когда Галочка поведетъ *кривой танецъ*, такъ чтобъ прошла мимо ихъ; хоть бы имъ посмотреть на Галочку, и того довольно для нихъ. Купцы забыли свои лавки, и вмѣсто того, чтобъ расчитывать, какіе, на чемъ и сколько барышей взять, знай смотрятъ на Галочку и расчитываютъ, какъ бы это такъ, чтобы она пріятно и весело глянула на нихъ. А тамъ приказные, что и сами охотники съ другихъ денежки дупить, а тутъ они бы что-нибудь дали за то, чтобъ хоть постоять подлѣ Галочки. А уже про сапожниковъ, портныхъ и про другихъ парубковъ и говорить нечего: стоятъ поодаль и только облизываются. Да не только что тѣ, и риторы и философы кучею прибредутъ съ своими инспекторами, что уже ходятъ въ долгополыхъ халатахъ и съ заплетеными косами; такой стоитъ, да только чмокаетъ, поглядывая на такую дѣвушку.... О что-бъ-то онъ дѣлалъ!

И хочется-то ему занять ее, но не смѣетъ и стыдится. Вотъ и научаетъ другаго, подлѣ себя стоящаго, и говоритъ: «домине Кутіевскій! какъ будетъ Галочка бѣжать мимо меня, то пихните меня къ ней, будто я нечаянно затрогалъ ее.» Такъ чтожь? домине Кутіевскій пихнетъ, домине Брюхановскій покатится, зацѣпитъ Галочку, а та проворно увернется, какъ муха отлетитъ; то тутъ домине *наплюхен-тусъ съ грязентусъ и замараеъ свою мордентусъ*. Это будто бѣ полатыни, какъ они незнающихъ обманиваютъ. Не поженыхался нимаю, а только насмѣшилъ собою другихъ. О чтобъ васъ съ учеными! Они ничего путемъ не сдѣлаютъ.

Да когда правду сказать, такъ сколько тамъ ни было всякаго народа, такъ никто не обратилъ на себя Галочкинаго вниманія—хоть бы кто изъ купцовъ, мѣщанъ, со всякихъ панычей, да хоть бы и изъ самыхъ офицеровъ, что и сами по себѣ бойки: ты ему слово, а онъ десять отпустить. Лишь только выйдетъ Галочка на площадь, гдѣ у нихъ игры, окинула глазами всѣхъ собравшихся, уже она и знаетъ, какъ и пробѣжать мимо ихъ, чтобъ не дать на себя и насмотрѣться. Только добѣгаетъ до какой кучи, гдѣ она знаетъ, что на нее пристальнѣе смотрятъ, тутъ она опуститъ въ землю глаза.... а что за глаза были! какъ есть спѣлый тернъ-ягодка; да такъ вездѣ и бѣгаютъ, даже сіяютъ; и не ѣлъ бы и не пилъ ничего, все бы въ нихъ смотрѣлъ; потому-что,

смотря въ нихъ, такъ хорошо, такъ весело, что не только разсказать не можно, но и самъ себя не помнишь отъ какой-то радости. Вматривайся же въ эти глаза, такъ она тотчасъ и опуститъ свои черныя, длинныя рѣсницы, и сквозь нихъ глазки ея, словно звѣздочки, такъ и блестятъ. И то румяная, а то еще покраснѣетъ, какъ прилично скромной дѣвушкѣ, изъ уваженія къ тому, передъ кѣмъ стоитъ или съ кѣмъ говорить, такъ-такъ хороша, такая красивая, что и разсказать не можно. Когда видѣлъ кто, какъ иногда зимою заря погоритъ, да краснѣетъ, что даже на снѣгу отдаетъ; вотъ такая станеть и Галочка, и лишь добѣгаетъ до такого, что уже знаетъ, что хоть словомъ затрогаетъ ее, какъ разъ тутъ и отворотилась спросить о чемъ-нибудь подружку. Такъ тутъ опять бѣда! Хотя не увидишь красиваго лица ея, такъ увидишь бѣленькую ея шею, которая отъ черныхъ бархатокъ, что дукаты привѣшены, еще красивѣе кажется.... такъ бы и бросился цаловать такую прелестную шейку!... Затрогай же ее словомъ, спроси о чемъ-нибудь. Тотчасъ глянетъ изъ-подъ своихъ рѣсницъ, уже и догадалася, съ какими мыслями спрашиваютъ ее, то и отвѣтъ сходный дастъ. Когда почтенный, важный человекъ спрашиваетъ ее о дѣлѣ, она тотчасъ, поклонясь, скажетъ, что должно, да тихо, скромно, приятно, словно чирикъ пропоетъ; да учтиво, да такъ разумно, что иной и грамотный такъ не сложить. Пу-

скай же кто съ дурною мыслию да спросить ее хоть о чемъ-нибудь; такъ тутъ она взглянетъ на него словно королева; и не говоря ничего, и только губку приподнявши къ верху, какъ будто улыбнется, то спрашивавшій и остался какъ обваренный: покраснѣетъ отъ стыда какъ ракъ, и не зная, куда глядѣть, станетъ прятаться за людей, чтобы его уже и не видѣли.

Такая-то была Галочка Таранцивна, на славу, не только Гончаровкѣ, но и всему Харькову краса. Слава о ней далеко шла, и пѣсни на нее были сложены, коими выхвалялась и красота, и разумъ, и поведеніе ея. Спросите на Гончаровкѣ; тамъ еще помнятъ, какъ разсказывали старые люди про нее и какая постигла ее судьба.

Уже было ей лѣтъ около двадцати... да, навѣрное. Съ сотню передавала она женихамъ тыквѣ, въ отказъ на сватовство ихъ; но все еще не выбрала себѣ парня... Вотъ пришелъ же и ея часъ!...

Галочкинъ отецъ, когда дѣвки и Галочка его играютъ на улицѣ, и всѣ пришедшіе смотрятъ на нихъ, онъ, бывало, выйдетъ и сядетъ съ кѣмъ-либо изъ пріятелей на колодѣ, тутъ же подъ плетнемъ лежащей, и разговариваютъ, о чемъ имъ на мысль придетъ.

Въ одинъ день такъ онъ сидѣлъ задумавшись; какъ вотъ—офицеръ идетъ и прямо къ нему, да и сѣлъ близъ самаго Алексѣя. Тотъ, какъ прилично, тотчасъ всталъ, поклонился учтиво и хотѣлъ отойти подалѣе, потому-что не прилично было мужику ровняться съ благороднымъ человѣкомъ; но офицеръ удержалъ его за руку и сказалъ просто: «куда ты, человѣкъ-добрый, встаешь! сиди.»

— О нѣтъ; — опять поклонясь сказалъ Алексѣй: — намъ не прилично ровняться съ вами; мы и постоимъ...

«Вотъ- такъ еще! Такъ это я согналъ тебя? Я этаго вовсе не хочу. Садись же, сдѣлай милость; а то и я встану и пойду отсюда. Чего тебѣ перемониться? Развѣ не все равно? И ты человѣкъ, и я человѣкъ, всѣ мы Божіе созданіе....»

— Какъ это можно? Вы-таки ваше благородіе, а я....

«Я офицеръ передъ солдатами на ученѣ, а ты здѣсь хозяинъ, и лѣтами старѣе меня. Садись же, садись.» Да говоря такъ и притянулъ къ себѣ Алексѣя, и хотя насильно, но посадилъ его при всѣхъ, на той же колодѣ, и также близко себя; тутъ и началъ съ Алексѣемъ пріятельски разговаривать.

Сперва Алексій мѣшался: не смѣлъ съ такимъ лицомъ свободно говорить; но далѣе-далѣе, видя, что офицеръ очень снисходителенъ, и хотя молодъ, но разумныя рѣчи ведетъ, осмѣлился и сталъ, словно съ равнымъ себѣ, говорить свободно. Офицеръ разспрашивалъ его, гдѣ живетъ, чѣмъ промышляетъ и потомъ много рассказывалъ ему своего.

Алексію такъ понравился офицеръ, что только бы и слушалъ его разумныя слова. Когда же офицеръ всталъ, чтобъ идти домой, потому-что народъ началъ уже расходиться, то Алексій даже не вытерпѣлъ и сказалъ: «Будьте ласковы, ваше благородіе, приходите сюда и въ то воскресенье. Я что-то васъ очень полюбилъ и все-бы васъ слушалъ. Пожалуйста приходите....»

«Приду, человекъ-добрый, непременно приду. Видишь, весь городъ сходится смотрѣть на вашу Галочку, такъ и я за людьми пришелъ, хотѣлъ увидѣть ее, да какъ заговорился съ тобою, а ее и не примѣтилъ.»

Алексій усмѣхнулся и не сказалъ, что ему Галочка. А офицеръ, уходя, еще примолвилъ: «Будь-же, пріятель, на этомъ мѣстѣ и сиди на этой колодѣ, чтобы я тебя тотчасъ отыскалъ. Мнѣ съ тобою весело было. Прощай!»

— Идите здоровы, ваше благородіе! — поклонившись, сказалъ Алексѣй, и долго еще, смотря вельдъ за офицеромъ, думалъ: «Что за разумное дитя! молодъ человекъ, но какой пріятный. Я бы съ нимъ въкъ жилъ». И съ тѣмъ пошелъ домой.

Вскорѣ за нимъ пришла и Галочка; и раздѣлась ли, прибрала ли все свое, или и не успѣла, а тутъ же и спрашиваетъ:

«Что это за панъ такой сидѣлъ съ вами, панъ отче?»

— Это такой панъ, доня, что благодать Господня! Я никого не видѣлъ простѣе, какъ онъ. Не гордый; таки-самъ, своими руками, взялъ и посадилъ меня подлѣ себя. И что-то за преумные разговоры говорилъ! По въкъ того не забуду. Общадся и въ будущее воскресенье вытти ко мнѣ. Говорить, что ему со мною будто бы весело было.»

Кажется такъ, что Галочка, услышавши, что этотъ офицеръ въ то воскресенье придетъ, какъ будто немного покраснѣла, такъ, на одну минуточку; а потомъ и сказала: «Видно, что все разумное говорилъ, потому-что на насъ и не смотрѣлъ; и хотя я два раза проводила «кривой танецъ» подлѣ самихъ васъ, да онъ и не взглянулъ ни разу.»

«Ему не до вастъ было. Онъ мнѣ въ ту пору разсказывалъ, что не солнце ходить, а земля обходитъ вокругъ его.»

— Вотъ что! удивляясь сказала Галочка.

«Э! такія ли онъ премудрости разсказывалъ? Вотъ кабы ты послушала его.»

Галочка—кто ее знаетъ—устала ли она играя съ подругами, или что, а уже во весь вечеръ не такая веселенькая была, какъ всегда. Все больше молчала. А какъ легла спать, то вздохнула и подумала: «отъ чего это паны красивѣе, нежели простой народъ?...»

Какъ это было около «теплаго Алексѣя» т. е. 17 марта, такъ утро было прелестное: солнышко сіяло и согрѣвало весь міръ; березки начинали распускаться, травка зеленѣла и въ саду Алексѣевомъ прольски (подснежники) цвѣли.... такъ было хорошо, такъ хорошо, что духъ радовался. Галочка встала веселенькая, румяная и, казалось, была еще красивѣе. Управясь по хозяйству, и сядясь за работу, сосчитала, сколько дней остается къ тому воскресенью?.... Это конечно съ тѣмъ, что успѣетъ ли окончить свою работу... однако, считая дни, какъ сказала: «субботонька, а тамъ и недѣ.... такъ опять что-то зарумянилась немножко и, какъ будто, улыбнулась, махнула ручкою и скорѣе съѣла за работу....

«Таточка-голубчикъ! — спросила Галочка отца, какъ онъ, управивши работниковъ, вошелъ къ ней: «Я все думаю и не могу надивиться. Какъ-таки можно, что будто солнце стоитъ, а земля ходитъ? Это, я думаю, панскія выдумки. — Нѣтъ, доня, совсѣмъ не выдумки; оно такъ и есть. Вотъ какъ мнѣ вчера офицеръ рассказывалъ....»

Тута Галочкѣ что-то очень весело стало на сердцѣ.... вѣрно она обрадовалась тому, что услышитъ, какъ все идетъ въ свѣтъ?... Можетъ.

Отецъ ей много рассказывалъ, что слышалъ отъ офицера, и кончилъ тѣмъ, что разумнѣе человека онъ еще и не видѣлъ. Галочка же только и сказала ему въ отвѣтъ: «эге!» — а то все внимательно слушала и каждое слово запримѣтила... жалѣла только, что некому ей рассказать всего того, что офицеръ говорилъ отцу.

Въ среду Галочка вздохнула и подумала: какъ эта недѣля долго идетъ! Сколько уже дней, а еще все только среда; до воскресенья еще.... И опять она покраснѣлась.

Въ субботу Алексѣй поспѣшно вошелъ въ хату и говоритъ: «Знаешь, Галочка, что я надумалъ? офицеръ совсѣмъ не пышный и вовсе не гордый. Завтра зазову его къ намъ полдничать.»

Галочка такъ и оторопѣла! Думаетъ.... и не знаетъ что.... проговорить, и не помнить себя....

Опять отецъ спросилъ ее: «хорошо ли это будетъ? какъ ты думаешь?»

«Оно-бы-то пожалуй, хорошо, — едва проговорила Галочка. «Такъ смотрите же того, пойдетъ ли онъ къ намъ къ простымъ мужикамъ?»

«О! я знаю, что пойдетъ, сказалъ Алексѣй.» Когда даже посадилъ меня возлѣ себя и говорилъ преласково, такъ такой не откажется отъ усердной хлѣба-соли. Да и чтожъ? Соберемся, приготовимся; а не придетъ, какъ хочеть.»

— А что же мы ему приготовимъ? У насъ панскаго ничего нѣтъ, да и не знаемъ, что для нихъ и надобно.

«Глупа ты, душка! Развѣ не одинакову хлѣбъ-соль Богъ даетъ, что папу, что всякому челоуѣку? Чего тутъ разбирать? что есть, то и подадимъ. Мы не папы; и онъ знаетъ, что у насъ панскаго ничего нѣтъ. Да не безпокойся ни о чемъ, я поставлю все. Ты пойдешь-себѣ не улицу играть, а я покличу Домѣху, та была у попа работницею и знаетъ кое-что, какъ сготовить и сварить на панскій вкусъ. Не безпокойся ни о чемъ.»

«Какъ же Галочкѣ, бывши хозяйкою, да не беспокоится? Работу свою прибрала, говоря: уже не къ чему начинать вышивать цвѣтки; уже субботонька. Я лучше надѣлаю цвѣтовъ съ шпалеръ, да убѣру святыхъ иконы. Вотъ и голуби уже стары, надо новенькихъ надѣлать... да и печь, видишь, какъ осыпалась.» И вѣдь — ошпохъ, пѣльжон от-над-онъ»

Вотъ и покликала тотчасъ работницу и велѣла печь вновь оправить вездѣ. Печь же была изъ зеленыхъ, Водолажескихъ кафлей, да на сѣнахъ красною глиною смазана: «такъ-такъ было хорошо, что не то что.»

Работница печь оправляетъ; работникъ землю полъ, гдѣ выбито, ровняетъ; а Галочка вяжетъ изъ шпалеръ цвѣтки; да какихъ умѣла, какихъ знала, самыхъ лучшихъ надѣлала и вновь сдѣланныхъ голубковъ привѣсила... а сама все мыслями беспокоится: «когда бы же хорошей рыбки приготовили!... Кто-то у нихъ будетъ покупать? Что - то какъ бы мнѣ воля: хоть и далеко въ городъ, я сама пошла бы на базаръ и купила бы такой, какой бы знала... чтобъ нестыдно было!...»

Вотъ, въ воскресенье, пообедали ли на скорую руку или нѣтъ, тотчасъ Галочка вымела «великую хату» повѣсила на колышкѣ чистый рушникъ—долгій, да предолгій, да искусно вышитый всякими

узорами. Накурила ладономъ крѣпко и заперла хату, чтобы невыдыхалось пока... въ комнатѣ стала наряжаться... и какъ-то убралась! Хорошо, да прехорошо! Дорогатаго ничего не надѣвала, такъ, лучше только отъ простенькаго; да какъ же это все на ней было мило, прилично, красиво, словно какъ картинка...—Пора ли не пора собираться, она уже и выбѣгла... обѣжитъ улицую и къ землѣ не дотрогивается, словно пухъ вѣтеркомъ двигается... На душѣ же ея что-то ей невесело! Добѣжала... и двушекъ нѣтъ на мѣстѣ еще ни одной!... Глядь!... и на колодѣ не сидитъ... да, отецъ... онъ еще не вышелъ. Кромѣ только что съ десятокъ кое-какихъ припелось и въ сторонѣ ожидаютъ сбора дѣвокъ.

Что дѣлать Галочкѣ? Куда ей дѣваться? «Ахъ, какія лѣнивыя эти дѣвки!» думаетъ-себѣ сердясь Галочка, надувши губки и вертя въ рукахъ рушничокъ, который взяла, чтобъ подпоясаться при играхъ. «Или онъ снѣтъ или что? Вотъ и до сей поры не выходятъ, а тамъ, смотри, и вечеръ, а тамъ и постъ пройдетъ. Когда же мы наиграемся? Побѣгу собирать ихъ.»

Бросилась въ первую хату... тамъ еще обѣдаютъ. Сердится наша Галочка, выговариваетъ, торопитъ подругъ, говоря, что уже нерано, солнце на закатѣ, скоро вечеръ. Кидается въ другія хаты, тамъ еще и не думали собираться, только наряжаются... Командуетъ наша Галочка надъ дѣвками, выгоняетъ

ихъ, словно на барщину.... а дѣвки смѣются, и говорятъ: «что это сдѣлалось съ Галочкою? То-бывало мы собравшись, ожидаемъ-ожидаемъ ее, пока-то она выйдетъ; а теперь она прежде всѣхъ поспѣшаетъ. Еще только полдень, а она говоритъ, что уже скоро вечеръ. О чтобы тебя!»

Кое-какъ собрались. Прежде было, что игры начинаютъ «ворономъ» а потомъ уже съ пѣснями пойдутъ; такъ Галочка теперь переименовала и говорить: «пѣть; начнемъ кострубѣнка....» Мы однако жъ понимаемъ ея мысль: когда играть въ «кострубѣнка» такъ надо пѣсни громко пѣть, а потомъ, когда, по игрѣ, умретъ кострубѣнко, такъ при громкой пѣснѣ надо плескать въ ладони; вотъ эхо отъ пѣсенъ и отъ плесканія поидетъ.... услышитъ.... и выйдетъ.... отецъ ея.... ей до другихъ дѣла нѣтъ. Такъ разчисляла Галочка.

Вотъ и начали играть у «кострубѣнка,» раздались пѣсни, привалилъ пародъ отовсюду. Играя Галочка видитъ, что уже и отецъ ея вышелъ, сѣлъ на колодѣ, какъ глядь!... даже разсердилась. «Чего этотъ Тимоха сѣлъ подлѣ моего панъ-отца?... Умѣетъ ли онъ занять его своими разговорами?...» Какъ вотъ.... и Галочка потупила глазки въ землю, вышла изъ круга играющихъ, чтобы только поправить рушничокъ, коимъ подпоясана.... не ловко завязанъ что-ли.... а сама въ сторону все смотритъ, куда офи-

перъ идетъ?... а онъ все идетъ, да къ колодь.... Вотъ видить она, что Алексѣй и Тимоха встали, кланяются.... вотъ же Тимоха учтиво сдѣлалъ, что отошелъ отъ нихъ и не съѣлъ съ ними. А офицеръ съ Алексѣемъ съли двое и разговариваютъ попрежнему. Галочкѣ стало веселье отъ того.... что отцу ея не будетъ скучно, есть съ кѣмъ говорить.... Тутъ она тотчасъ и закомандовала: «А нуте въ хрещика» (тоже что и горьлки).

«Подожди же, Галочка, закричали ей дѣвки: еще не кончили одной игры, а она уже въ хрещика хочетъ.»

Атаманъ-Галочка не слушаетъ ихъ: разорвала кругъ, спаровала всѣхъ, назначила гробовъ (кому горьтъ).... полетѣли дѣвушки словно птички.... Эге! да Галочку и тутъ знать: она не бѣжитъ, а словно рыбка быстро плыветъ и ручками не болтаетъ, а только выгинается какъ молоденькое деревцо, что вътерокъ колышетъ.... Поймай же ее? куда! Развѣ муха за нею слетитъ!...

«Да куда же ты, Галочка, все бѣжишь? кричали на нее тѣ дѣвки, что ловили: все къ колодь бѣжитъ. Развѣ не видишь, какая передъ тѣмъ мѣстомъ лужа? Хорошо тебѣ, что ты такая легонькая, что и перепрыгнешь черезъ лужу, а мы не можемъ, да такъ въ нее и бухнемъ. Видишь, какъ мы забрѣхались?»

— Этоя, подружки, за тѣмъ туда бѣгу, что туда какъ-то легче бѣжать, подъ гору, что ли. Такъ изворачивалась хитрая Галочка. Туда вовсе не подъ гору было, а еще немного на горку и впереди лужа. Но ей нужды мало: она черезъ эту лужу какъ мысль перелегить, лишь бы ближе подбѣжать къ колодѣ. . . . тамъ сидитъ . . . моя отецъ . . . а такъ отцемъ . . . ну — и офицеръ . . . «да какой же красивой! молоденькій, чернобровый, глаза какъ жаръ, лицомъ румяный, лицомъ блѣдный . . . уже видно, что панскаго рода . . . да какъ принарядился! . . .» Такъ думала Галочка, всякій разъ добѣгая къ колодѣ. . . . и что она ни дѣлала, офицеръ не взглянулъ ни разу ни на нее, ни на прочихъ дѣвокъ.

Не до пѣсень и не до игръ было ему. . . . Онъ этими пустяками не очень занимался. Его и дѣвки не занимали. Не за тѣмъ онъ приходилъ, а лишь бы прогуляться и побесѣдовать съ Алексѣемъ, котораго точно полюбилъ. Онъ былъ такой человекъ, что, взявшись за какое дѣло, не займется ничѣмъ другимъ, пока не окончитъ его. Теперь, сошедшись съ пріятелемъ своимъ, Алексѣемъ, сталъ ему рассказывать про все, что дѣлалось и происходило въ нашемъ государствѣ: какъ Татары владычествовали нами, владычествовали надъ всѣмъ и сидели съ народа послѣднее, кто что имѣлъ; какъ потомъ наши свергли это иго, и какъ какой царь послѣ какаго царствовалъ, и какъ Императоръ Петръ по всѣмъ частямъ

государства далъ наилучшій порядокъ.... все-все рассказывалъ съ великою охотою и не смотря ни на что вокругъ него происходящее, потому-что видѣлъ человека бесѣдующаго съ нимъ, понимающаго все, разумнаго, и чѣмъ больше слушающаго, тѣмъ болѣе желающаго знать. Алексѣю такъ все нравилось, что онъ и не отошелъ бы отъ него; но видя, что уже не такъ рано, сталъ убѣдительно просить офицера пожаловать къ нему, откусать хлѣба-соли.

«Пойду, мой любезный! сказалъ офицеръ вставая; съ великимъ удовольствіемъ пойду, потому-что вижу, что и ты меня полюбилъ, какъ я тебя. Только съ уговоромъ: чтобы ни ты, ни жена твоя и никто изъ семьи твоей не величали меня паномъ, и чтобъ не убыточились ничѣмъ на угощеніе меня. Что вы кушаете, то и я буду; все Божій даръ.»

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады угостить васъ, такого добраго и милаго пана. Не положите только гнѣва за нашу простоту. Какъ же васъ не величать, когда вы есть ваше благородіе?

«Начто это? говорю тебѣ не нужно. Зовите меня просто: «Семенъ Ивановичъ.»

Такъ разговаривая дошли до двора, и Алексѣй ввелъ своего гостя въ «великую хату»....

А Галочка бѣгала-бѣгала въ хрещика, какъ — глядь—на колоду.... «нѣтъ ни панъ-отца, нѣтъ и офицера; вѣрно уже пошли къ намъ.» Подумала и при-смирѣла. И ноги у нея болятъ, и утомилася уже она, и не сможетъ болѣе играть.... «пойду, говоритъ, домой....»

«Куда ты идешь? крикнули на нее дѣвки: только лишь еще разыгрались, а ты уже и уходишь. Станемъ еще водить «кривой танецъ». Веди, Галя. Кромѣ тебя никто такъ не выведетъ.»

—Какъ себѣ-хотите, мои подруженьки; а я правду вамъ говорю, что нужно мнѣ домой итти. Такъ мнѣ что-то.... съ глазъ.... что-ли....» И пошла Галочка домой, да прежде тихо, а какъ отошла подальше отъ дѣвокъ, такъ пустилась какъ стрѣла и мигомъ добѣжала до дому.

Вошедши въ противную хату, хотѣла принарядиться; такъ и руки и ноги трясутся, и не знаетъ, за что взяться. Сякъ-такъ, нечего дѣлать, хочется пройти въ комнату, да послушать, какъ офицеръ станетъ разговаривать съ отцомъ и что будетъ рассказывать.... хочетъ итти, да что-то и остановится, и не смѣетъ, и боится.... потомъ, схвативши, что подѣ руки попало, будто нужное, понесла....

Какъ только вступила въ великую хату, низко, какъ слѣдуетъ учтиво, поклонилась гостю, и только-что хотѣла пройти въ комнату, какъ отецъ и остановилъ ее, спросивъ: «Ты уже, Галочка, и воротилась? Отъ чего это такъ рано?»

Галочка, хоть и въ простомъ состояніи, но какъ была дѣвушка, то, еще кланяясь, замѣтила, что офицеръ, рассказывая свое, замолчалъ, увидѣвъ ее, и поднятая къверху рука такъ и осталась, и самъ такъ пристально и быстро смотритъ на нее, словно съѣсть ее хочетъ; отъ этаго она еще и болѣе смѣшалась.... убѣжала бы скорѣе въ комнату и спряталась бы тамъ; такъ отецъ спрашиваетъ ее объ чемъ-то, а о чемъ, она въ замѣшательствѣ и не разслышала. И такъ онъ въ другой разъ спросилъ ее. Она же, стоя передъ нимъ, смущенная, покраснѣвшая, какъ настоящая калина, и насилу собравшись съ духомъ, сказала:

«Да.... тамъ.... дождь.... побѣжалъ.... такъ.... онъ и побѣхали...»

— Хорошо, когда при такомъ ясномъ солнцѣ дождь побѣжалъ. Бѣги же и ты, куда хочешь. Такъ сказалъ Алексѣй, усмѣхаясь, видя, что Галочка и словъ не найдетъ къ отвѣту.

Еще не успѣлъ отецъ и договорить, какъ Галочка уже, какъ стрѣла, влетѣла въ комнату.

«Это моя дочь, Семенъ Ивановичъ! сказалъ Алексѣй. Не положите на нее гнѣва, что она такъ оробѣла при васъ и не сумѣла порядочно отвѣчать.»

Тутъ Галочка приложила къ двери свое ушко, и удерживала свое дыханіе, чтобъ не проронить ни одного слова, что будетъ говорить о ней офицеръ.

А Семенъ Ивановичъ, удивясь, спросилъ: «такъ твоя дочь Галочка?»

— Моя, Семенъ Ивановичъ.

«Теперь вижу, что тебя Богъ благословилъ. Я много о ней хорошаго слышалъ. Вездѣ ее хвалятъ очень. Видѣлъ ее раза два въ играхъ, показалась мнѣ красивою; а теперь, какъ увидѣлъ вблизи, такъ она, мѣры нѣтъ, какъ красива. А что у нея лучше всего— такъ это глаза. Знаешь ли, Алексѣй? по глазамъ можно узнать все, даже видѣть, какова душа. Истинно ты счастливый отецъ, имѣя такую дочь добрую, какъ видно умную, да еще и пригожую. Я отъ роду не видалъ такой красивой.»

Каково же было Галочкѣ, слушая все это?

«Это я вижу, Семенъ Ивановичъ, что вы полюбили меня: такъ дочь хвалите.»

— Нѣтъ, Алексѣй. Точно такъ. И опять-таки скажу, что ты счастливый отецъ.

Алексѣй началъ выкликать дочь... такъ куда же? какъ ей выйти? Хотя она болѣе ста разъ слышала, какъ ей въ глаза говорили, что она очень хороша, но это ее не занимало. А теперь гдѣ бы она скрылась? Офицеръ хвалитъ ее, а отецъ вызываетъ ее къ себѣ.... Надо его послушать, выйти.... какъ выйти? какъ взглянуть на офицера, когда онъ по глазамъ всю душу узнаетъ?... Сквозь землю лучше пошла бы!...

Какъ не выходить Галочка, а Алексѣй не любилъ, чтобъ его не слушали, пошелъ самъ за нею и сталъ уговаривать ее, чтобъ не стыдилась и вышла, потому-что пора и полдничать подавать.

«Хорошо же, таточка, выйду, выйду. Только пусть офицеръ ничего меня не спрашиваетъ, пока я не осмотрюсь и не привыкну къ нему....»

Алексѣй вошелъ въ комнату, мигнулъ ему, оба усмѣхнулись.... и начали говорить свое.

Долго собиралась съ духомъ Галочка; наконецъ вошла и отъ замѣшательства опять поклонилась. Семенъ Ивановичъ будто и не примѣчалъ ее; но когда она проходила черезъ хату, или что прибирала, такъ

глазъ съ нея не спускалъ и рассказываемое забылъ; когда же Алексѣй тогда что говорилъ, такъ онъ и не слышалъ ничего.

А вотъ, мотаясь сюда и туда передъ ними, Галочка не много осмотрѣлась, и ей уже не такъ было не ловко. То прибираетъ; то прислушивается къ офицеровымъ словамъ.... а далѣе уже и станетъ и слушаетъ все. Потомъ уже до того, что скрытно отъ него она разсматриваетъ его.... Какъ же въ то время онъ взглянетъ на нее.... такъ куда бъ она скрылася!... Это и не разъ такъ случилось, а все ей хочется на него смотреть.... а ему и подавно. Сердце сердцу начало вѣсть подавать....

Подали кушанья. Галочка обо всемъ хлопочетъ, присядетъ, слушаетъ, о чемъ они изъ книгъ говорятъ. Какъ-то Семенъ Ивановичъ рѣшился и о чемъ-то спросилъ Галочку.... Господи! чуть ложки не уронила!... Не опомнилась, гдѣ она сидитъ.... Но дѣлать нечего, отвѣчала. Такъ въ другой-третій разъ.... уже Галочка осмотрѣлась, уже говоритъ смѣло, и видя, что офицеръ добрый и скромный, и что у него на умѣ нѣтъ ничего худаго, стала смѣлѣе. Послѣ полдника, прибавши все, сѣла подлѣ отца и стала слушать офицерскіе рассказы. А тотъ про все то рассказываетъ, чего Алексѣй не зналъ: что дѣлается въ свѣтъ, гдѣ какія государства и что для чего происходитъ! Онъ былъ очень умный и зналъ

все; а Алексѣю давно хотѣлось знать о многомъ: такъ онъ все просилъ его продолжать.

Уже Галочка осмѣлилась до того, что и сама спрашиваетъ, и уже перестала величать «ваше благородіе», а называла, какъ онъ требовалъ: «Семенъ Ивановичъ».

Такъ проводя время, просидѣли долго. Еще бы не отпустили Семена Ивановича, такъ было уже поздно, а при томъ ему было очень далеко возвращаться въ городъ и черезъ сады, плотинки, пустыми мѣстами. Тогда такъ было: Гончаровка отъ города очень далеко была.

Алексѣй, простившись съ Семеномъ Ивановичемъ, проводилъ его еще подалѣе; а Галочка, какъ съшла у стола, облокотилась на свою бѣлую ручку, какъ задумалась....

«Слышишь ли, Галочка?» уже крикнулъ ей отецъ.

— Ахъ! вскочила съ лавки.... и не знаетъ, что и говорить....

«Что это съ тобою сдѣлалось, доня? Вошелъ я въ хату, не слышишь; три раза кликнулъ, насилу очнулась. Задремала ты что ли?»

— Такъ-таки.... немного.....

«Уморилаь, сердечная! Одно то, что набѣгалась игравши, а тутъ хлопотала. Иди же, ложись спать, Богъ съ тобой!» Перекрестилъ ее и пошелъ.

Сидѣла же наша Галочка, сидѣла! думала же она.... а что думала? кто знаетъ? Только и проговорила: «а что же изъ этаго будетъ?» всплакнула, перекрестилась и легла, когда уже къ полночи доходило.

Смутная съла за работу наша Галочка, смутная и обѣдала.... или лучше, не обѣдала, а только сидѣла за обѣдомъ такъ. Алексѣй удивлялся и спрашивалъ ее, отъ чего она ничего не ѣстъ, и отъ чего такая смутная?

«Такъ, таточка!... что-то голова.... нѣтъ, мнѣ все тошно и грустно....» сказала Галочка и вздохнула тяжело.

— Смотри, не набѣгала ли ты — сохрани Богъ! лихорадки?

«Набѣгала лихорадку, что и повѣкъ не избавлюсь отъ нея.» подумала Галочка и отворотилась отъ отца, чтобъ не замѣтилъ слезъ, собравшихся въ глазкахъ ея.

Алексій подумавши сказалъ: «общайся-ка, въ слѣдующее воскресенье, сходить въ Куряжскій монастырь.»

— А тожъ, таточка! Когда бы скорѣ эта недѣля прошла...

Отъ того-то наша Галочка такая смутная была, что воскресенье не скоро настанетъ: шутка ли? черезъ шесть дней!... Когда дождешься его? а тутъ такъ тяжело, что насилу хожу...» Такъ думала Галочка, перемывая ложки отъ обѣда... какъ вдругъ дверь... рыпъ!... и кто же вошелъ? Семенъ Ивановичъ!...

Галочка все изъ рукъ выпустила.

«Сердись, не сердись на меня, Алексій Петровичъ,» сказалъ Семенъ Ивановичъ, вошедши въ хату и поклонясь прежде отцу, а потомъ и Галочкѣ: «а я пришелъ къ тебѣ и сегодня. Какъ хочешь; мнѣ скучно безъ тебя; я люблю бесѣдовать съ тобою. Лишь управился со службою, тотчасъ къ тебѣ. Скажи мнѣ по сущей правдѣ, не мѣшаю ли я тебѣ въ чемъ? Можеть, ты занятъ своимъ дѣломъ; я приду въ другое время.»

— Да что вы это говорите, Семенъ Ивановичъ?— сказалъ Алексій:—я бы васъ не то что, я бы, передъ вашимъ здоровьемъ, вотъ такъ бы все и стоялъ

и все бы слушалъ, что вы намъ добраго рассказываете. Когда такъ, такъ знаете что? когда только вамъ есть время и когда только захотите, такъ прямо идите къ намъ. И дверь, и душа моя открыта для васъ во всякое время, и вы мнѣ ни въ чемъ не помѣшаете. Я съ утра порядокъ даю работникамъ на весь день, и потомъ панъ-себѣ до вечера. Мнѣ все мое хозяйство не дастъ того, что я приобрету отъ вашихъ рассказовъ, или когда вы, что прочитавши, разтолкуете по ласкѣ своей. Приходите хоть каждый день. Такъ ли, Галочка?—

«Ей же такъ,» сказала Галочка въ отвѣтъ на отцовы слова, которыя были такъ пріятны для слуха ея, какъ будто кто на гусляхъ игралъ. «Такъ панъ-отченько! И мнѣ веселье будетъ на душѣ, когда вамъ весело будетъ съ Семеномъ Ивановичемъ.»

— Такъ, можетъ, тебѣ, Галочка, скучно будетъ, что ты одна будешь сидѣть?» спросилъ Семенъ Ивановичъ, пристально глядя ей въ глазки.

«И то вже!» сказала Галочка, опуская свои глазки-звѣздочки въ землю. «Будто я одна буду сидѣть? Вѣдь же батенька меня не отгонитъ, когда я буду тутъ съ своимъ дѣломъ? Буду работать свое и слушать, о чемъ станете говорить, или будете читать. Я, когда и читають, то кое-что понимаю...»

На томъ и положили, чтобы Семенъ Ивановичъ, когда только захочетъ и можно ему будетъ, приходилъ къ нимъ.

Да и зачастилъ же! Каждый Божій день, кончивши свое дѣло, исправить что нужно, такъ и спѣшить на Гончаровку... видите, къ Алексѣю... больше ничего: ему—будто бы—только его и надо. Такъ они сидятъ, разговариваютъ, читаютъ; когда что встрѣтится въ Четъ-Миней непонятное для Алексѣя, Семенъ Ивановичъ объясняетъ, да такъ чисто, словно въ ротъ все кладетъ. А Галочка, какъ заслушается... забудетъ и работу, воткнетъ иголку въ шитье, да и не выводитъ ее, ручку опустила, головку подняла, а глазки—какъ у ясочки (ласточки, звѣрка), и не сходя съ Семена Ивановича... Такъ прилѣжно слушаетъ!...

Слушаетъ!... когда бы же кто послѣ началъ ее спрашивать, что рассказывалъ Семенъ Ивановичъ? И когда бы по справедливости—она бы сказала, что хотя и прислушивалась ко всякому слову, но не замѣтила ничего: потому-что все присматривалась, какой онъ красивый, какъ хорошо говоритъ, да губками—что красныя, какъ калина—милѣ шевелить, а изъ-за нихъ бѣленькіе зубки мелькаютъ, да ровненькіе какъ одинъ; какія румяныя щоки, какія узенькія, черныя брови какъ на снурочкѣ; а какіе же глазки?... Онъ говорилъ, что черезъ глаза можно видѣть, какова

душа въ человѣкѣ. Такъ и есть; точная правда. Какъ взглянуть на меня, то я и вижу, какая у него добрая душа, какой онъ жалостливый ко всѣмъ; то мнѣ, такъ станетъ его жаль... такъ вотъ черезъ это я ничего и не раслушала, о чемъ онъ говорилъ.

Этого Галочка никому не говорила, а только думала-себѣ. Проводивши Семена Ивановича поздно вечеромъ, и ляжетъ въ постель, чтобы спать, такъ ей и не спится; все то старается вспомнить, что читалъ или рассказывалъ Семенъ Ивановичъ; не можетъ же вспомнить ничего... «Пусть же завтра, не буду на него пристально смотрѣть, а все буду слушать.» Такъ скажетъ—бывало Галочка съ вечера; а днемъ, пришелъ Семенъ Ивановичъ, началъ говорить... забыла наша Галочка слушать, вновь разсматриваетъ его и находитъ новое, чего вчера не замѣтила... вонъ—ямки на щекахъ его, что такъ бы и глядѣла на нихъ; вотъ руки, не велики, и бѣленькія, словно у панночки; а когда заговорится, и обопрется рукою объ голову, да пальцами начнетъ перебирать свои волосы черные и мягкіе какъ шолкъ...

Вотъ такъ-то каждый Божій день Галочка что-нибудь найдетъ въ Семенѣ Ивановичѣ, чего прежде не рассмотрѣла: то голосъ пріятный, то какъ задумается чего—а что-то частенько началъ задумываться!—такъ-такъ его жаль, все бы на него и смотрѣла! А какъ ходитъ по хатѣ, такъ какой стройный!

Въ станѣ, что двумя пальцами можно бы обнять, словно переломлеть, такъ и гнется!...

Семенъ Ивановичъ приносилъ и свои книжки, да какія-же-то преразумныя (это было очень давно, въ-старину)! Про все тамъ было писано. Алексѣй—онъ одинъ ихъ только и слушалъ—не нарадуется-бывало прочитывая ихъ. Много рассказывалъ и о себѣ Семенъ Ивановичъ: что онъ помѣщикъ, что у него есть отчина подлѣ Прилуки вмѣстѣ съ братомъ, болѣе ста душъ; отца и матери нѣтъ, померли; братъ хозяйничаетъ, а онъ служить въ полкахъ. Съ братомъ живутъ, какъ законъ велитъ, дружно и согласо; что только нужно, братъ ему все высылаетъ; что онъ вольный казакъ, и что—говоритъ—хочу, то и дѣлаю, такъ поступаю, и никто меня ни въ чемъ ни принуждаетъ и не попрепятствуетъ ни въ чемъ, чего я захочу, потому-что я панъ надъ собою. Служу въ арміи, пока должно. Когда будетъ миръ, выйду въ отставку и...» тутъ что-то и замолчалъ, всталъ, долго ходилъ по хатѣ, все что-то думалъ долго... послѣ схватилъ шапку и началъ собираться домой; а еще же и не пора была: онъ всегда просиживалъ до поздняго вечера, а только лишь солнышко начало спускаться къ вечеру.

Алексѣй присталъ къ нему упрашивать, чтобы еще посидѣлъ, такъ нѣтъ; вовсе некогда, дѣло есть, надобно сегодня кончить, то сѣ, то то... и не упро-

сили, чтобы еще посидѣлъ; пошелъ онъ тихо домой, потупивъ голову...

Алексѣй жалѣлъ, думая, не разсердилъ ли онъ чѣмъ его? Такъ нѣтъ, всё попріятельски разговаривали... «Не ты ли, Галочка, чѣмъ-нибудь его разсердила?»

«Чтобы я панъ-отченько? едва проговорила сердечная Галочка, потому-что слезы такъ стѣснили ей сердце, что и дышать было тяжело.

— Такъ нѣтъ-же! — сталъ Алексѣй опять размышлять:—ты ему сегодня и слова не говорила. Не знаю, что это значить? Не придетъ ли завтра? тогда распришущу. — И съ тѣмъ вышелъ изъ хаты.

Галочка же, какъ подумала «а какъ не придетъ?» и съ симъ словомъ какъ зарыдаетъ!... Ужъ какъ-то она горько плакала до самаго вечера! Чего же? и сама не знаетъ! Такія скорбныя мысли одолѣли ея, что не придумаетъ, чѣмъ и успокоить себя. То подумаетъ, что, можетъ, онъ занемогъ, некому его присмотрѣть, а ему сдѣлается тяжело... можетъ и умереть къ-свѣту... Отъ такихъ мыслей она даже съ ногъ свалилась: прилегла на постель, обливаясь слезами... Когда бы можно, побѣжала бы... мухою полетѣла бы къ нему, только бы глянуть на него и узнать, что съ нимъ дѣлается?... Когда ничего, то я

была бы покойна!... Когда завтра не увижу его, то навѣрное къ-вечеру умру!... Такъ мнѣ тяжело!...»

Не умрешь, Галочка!... Вотъ еще очень рано, какъ и не приходилъ такъ никогда, Семень Ивановичъ уже и идетъ. Галочка, только-что проснулась, то всё пристально смотрѣла на огородъ, и какъ скоро увидѣла его идущаго, то выбѣжала даже за ворота и, какъ птичка, щебечетъ отъ радости, попрыгиваетъ и издали закричала: «вы не умерли, Семень Ивановичъ? были же больны? Или, можетъ, разсердились на насъ? Что мы вамъ сдѣлали, что вы вчера такъ рано насъ оставили?»

— Ничего, Галочка, ничего; дѣло было—и больше ничего,» говорилъ Семень Ивановичъ уже веселенькій, пріятно говорить и не хмурится. Вошедши съ Галочкою въ хату, тотчасъ и спрашиваетъ: «гдѣ же Алексѣй? Я уже весь день у васъ просижу.»

А Галочка уже и облетываетъ по всему двору, крича: «тата! таточка! Идите же скорѣе. Пришелъ уже... пришелъ!... Ей же-то Богу, пришелъ!...»

— Кто тамъ пришелъ?—отозвался Алексѣй отъ сарая, который загораживалъ съ работниками.

«Да онъ же, папъ-отченько, онъ!... Онъ и не умиралъ, онъ и боленъ не былъ; ему дѣло было.

Сегодня цѣлый день просидитъ у насъ.» Такъ говорила Галочка, размахивая руками; а сама, договаривала ли или нѣтъ, уже бѣжить скорѣе въ хату.

— Да кто?—еще-таки въ слѣдъ за ней закричалъ отецъ.

«Семень Ива...» и больше не слышно было, что Галочка сказала: уже вбѣжала въ хату, уже и тамъ мечется, хлопочетъ, прибираетъ... и сама не понимаетъ себя, что съ нею... Небо поднялось надъ нею, солнце никогда такъ ясно не сіяло... куда ни глянетъ, вездѣ ей весело, вездѣ хорошо, такъ хорошо, что даже у нея на глазахъ отъ радости... Вбѣжала въ комнату, всплакнула не много, промыла глазки, прибралась и вскочила опять въ хату къ гостю, какъ птичка веселенькая.

Опять пошло дѣло какъ и съ начала!... Эге! да уже не такъ. Конечно; придетъ Семень Ивановичъ и веселенькій, говорливый и кое-что зашутитъ съ Галочкою; а потомъ, говоря ли что или читая, станетъ часто взглядывать на Галочку... и смѣшается во всемъ! Какъ устремитъ на нее свои глаза, смотритъ-смотритъ, забудетъ, что говорилъ, или читать перестанетъ и все смотритъ на нее... и чего-то у него въ глазахъ не замѣтилъ бы? Въ нихъ вся мысль его была; все, что у него въ душѣ и на сердцѣ, все можно было видѣть... что такое? мы узнаемъ послѣ.

Алексій же не очень засматривался въ глаза ему; онъ бы и не понялъ ничего въ нихъ; онъ, бывало, только удивляется: чего Семень Ивановичъ такъ задумался? да и самъ замолчитъ, чтобъ не мѣшать ему думать о своемъ.

Одна Галочка чуть ли не знала, что на умъ у Семена Ивановича: потому-что, какъ только замѣтитъ, что онъ смотритъ на нее пристально, не такъ какъ всегда, то она уже и не глянетъ тутъ на него, а склонитъ головку, и иглою—не шьетъ—а только по работѣ ковыряетъ... а что думаетъ при томъ?... такъ хоть побожусь вамъ, что и у нея точнёхонько такая же мысль была, какъ и у Семена Ивановича... Да какъ углубится она въ ту мысль, какъ дастъ ей волю, такъ ей такъ хорошо, такъ весело, что она и не понимаетъ себя, на землѣ ли она, или въ раю?... Ей кажется, что она, словно птичка Божія, летаетъ подъ небесами и счастливейшая всѣхъ людей..... и тутъ уже взглянетъ... на кого же ей больше и взглянуть?... глянетъ на Семена Ивановича... Какими же глазками глянетъ?... Семень Ивановичъ послѣ этаго ударитъ себя рукою, закроетъ глаза, приклонится къ столу и такъ пробудетъ долго... Поднялся... видно было, что слезинка-другая блеститъ въ глазахъ его... Утеръ ихъ, всталъ... и ходитъ по хатѣ задумавшись.

А Галочки уже давно тутъ нѣтъ; она уже давно въ комнатѣ... Тяжко ей станетъ, духъ захватитъ—

васть; всплакнеть, и пока-то пока приведетъ въ порядокъ мысли, что можетъ опять притти.

А Алексѣй? Тотъ на все смотрѣлъ посвоему. Видѣвши, что Семенъ Ивановичъ такъ страдаетъ, станеть его спрашивать: «чего вы такъ-себѣ, Семенъ Ивановичъ?»

— Такъ, что-то не здорово. — Отвѣчаетъ-было онъ, такъ, лишь бы что-нибудь сказать.

«Не выкушали бѣ ли вы полыньковой? Она крѣпко полезная вещь отъ всего.»

О чтобы тебя, панъ-Алексѣй, съ твоею «полыньковою»! Ужъ такъ, что прислужился! Говорить, что «отъ всего полезна». Ты уже доходишь къ старости, такъ и забылъ, что то есть молодой человѣкъ. Не только твоя «полыньковая», да и ничто въ свѣтъ не отведеть тучи отъ сердца, кромѣ.... Ахъ! тутъ и своя молодость вспоминается! Какихъ-то чудесъ не дѣлали со мною и карія очи, и черныя брови, и румяныя щоки и бѣленькія ручки.... Полно, не хочу вспоминать. Неравно грусть-тоска усилятся, такъ и не договорю....

Такъ, все чаще, все чаще, происходило между Галочкою и Семеномъ Ивановичемъ. Уже и такъ случилось, что хотя онъ и придетъ, такъ до того смутенъ, до того не веселъ, что и слова отъ него не

услышишь! Сидить, молчить, иногда вздохнетъ.... а на Галочку—не сводя глазъ—смотреть, и съ тѣмъ и пойдеть.

«Не сердится ли на насъ чего Семенъ Ивановичъ? Отъ чего онъ такой чудный сталъ съ нами? Какъ ты думаешь, Галочка?» спрашиваетъ—бывало иногда отецъ у дочери.

— Можетъ—едва отвѣчаетъ дочь, лишь бы что сказать; а сама очень понимала все, да до того знала, что сама себя отгадывала, въ какомъ состояніи онъ придетъ: веселъ, или больше еще грустенъ? По расположенію своей души, судила о немъ.

Далье и далье, Семенъ Ивановичъ все былъ задумчивѣе, все печальнѣе.... Какъ вдругъ вовсе не пришелъ! Галочка протосковала, и на другой день не ожидала его.... Нѣтъ и на третій день.... и на пятый нѣтъ.... Галочка груститъ, Галочка плачетъ.... То опять разсудитъ и скажетъ: «Хорошо онъ дѣлаетъ, что оставилъ ходить къ намъ.... Чтò изъ того? Пусть такъ. Онъ привыкнетъ безъ насъ.... забудетъ! Ему все равно.... вѣдь я скоро же умру.... не могу его забыть! Такъ или иначе, мнѣ остается одно, умереть!... Пускай онъ живетъ, пускай любитъ въ блѣдомъ свѣтѣ.... пускай и имъ свѣтъ красуется, какъ наилучшимъ цвѣточкомъ своимъ!... Когда бы онъ только провѣдалъ, гдѣ я буду погребена, и хотя бы

разъ навѣстилъ мою могилу!... Земля бы надо мною показалаcя лёгкою, какъ перо.... тѣсный гробъ показался бы мнѣ веселою горенкою; запекшіяся уста мои улыбнулись бы къ нему; померкшіе глаза мои глянули бы, и сквозь насыпанную землю увидѣли бы его; изсохшая рука моя еще бы протянулась къ нему!... Лучше смерть мнѣ принять, лучше мое *дѣвованье*, мою молодость, мою дѣвичью красу похоронить, какъ оно есть теперь, чѣмъ ожидать, пока я изсохну, псачну, что онъ, увидя меня, и не пожалѣетъ!... Смерть, смерть! гдѣ ты? Пожалѣй дѣтскаго отца, жену любимую мужемъ, не бери ихъ; имъ хорошо жить на свѣтъ, не разлучай ихъ, возьми несчастную сироту!... Мой отецъ еще не старъ, онъ женится, дастъ Богъ ему дѣтей, и онъ утѣшится, забудетъ меня, не будетъ грустить за мною.... а мнѣ къ чему жить на этомъ свѣтъ?... Когда онъ точно любитъ меня такъ сильно, какъ я люблю его, такъ еще лучше въ это время мнѣ умереть! Чтѣ съ нашей любви можетъ быть?... Смерть, смерть! возьми меня, не жалѣй моей красы, не щади *дѣвованья*!... Мать-сырая земля! прими меня къ себѣ, приголубь меня и не пусти на свѣтъ, гдѣ нѣтъ для меня ни счастья, ни утѣхи и никакой отрады!...»

Такъ-бывало Галочка каждый день тужить, и что бы дѣлала отъ грусти! Алексѣй же, такъ тотъ совсѣмъ загрустил! Ни съѣсть ничего съ апетитомъ, ни работою не занимается. Въ хатѣ скучаетъ, къ ра-

ботникамъ выйдетъ, все кажется ему, что не такъ дѣлають: сердится, ворчитъ, иногда побранить кого вовсе безвинно, бросить все, воротится въ хату, тамъ опять груститъ, развернетъ книгу. . . . и ничего не прочитавши, оставить.

Такъ протосковавши, въ воскресенье отозвался къ Галочкѣ: «Давай, дочь, скорѣе обѣдать; мнѣ есть дѣло въ городъ.» Не совсѣмъ пообѣдавъ, поблагодаривъ Богу, схватилъ шапку—и ворча самъ съ собою: «я не вытерплю такъ долго. . . . пропаду отъ тоски!...» вышелъ изъ хаты и пошелъ даже въ городъ.

Какъ осталась Галочка одна, то, прибрала ли что, или нѣтъ, грусть взяла ее. . . . сѣла у стола, склонила свою головку, подперла ее ручкою и задумалась. . . . О чемъ уже она тогда не передумала?... о чемъ не размышляла?... чего не вспоминала!... Только крупныя слѣзы съ черныхъ глазокъ ея капали на ея шелковую запѣску (передникъ).

Не слышала. . . . и сердце не подало ей вѣсти, что Семень Ивановичъ вошелъ въ хату, стоитъ передъ нею, глядитъ. . . . она плачетъ! Онъ не вытерпѣлъ, схватилъ ея за руку и почти вскрикнулъ: «О чемъ ты плачешь, Галочка?»

Господи! Что сдѣлалось съ нею?... Сама себя не помнить!... Вскочила, смотритъ, онъ ли это? И

рада бы, и смѣется.... а слезки, словно дождикъ сквозь солнышко идти, такъ и каплютъ!... Насилу опомнилась, насилу пришла въ себя и начала разсматривать, кто это подлѣ нея, схватилъ ея руку и приложилъ къ своему сердцу, которое слышно, какъ бьется крѣпко....

«Это вы, Семенъ Ивановичъ?» насилу проговорила слово и начала тихо освобождать свою руку, будто для того, чтобъ платкомъ стереть лавку. Стерла и начала его просить: «Будьте ласковы, сядьте, пока панъ-отецъ воротится изъ города. *Они пошли къ челоуѣку за дѣломъ.*»

— Жалко, что его нѣтъ! сказалъ Семенъ Ивановичъ: я къ нему и къ тебѣ пришель.... Галочка! зоречка моя!... Не могу безъ тебя пробыть!... Все тебѣ расскажу, какъ я страдаю безъ тебя. Увидѣвъ тебя въ первый разъ, мнѣ показалось, что я нашелъ себѣ какое-то счастье. Все бы я на тебя смотрѣлъ, все бы я слушалъ тебя, все бы желалъ слышать, какъ ты меня зовешь по имени, потому-что ты меня называешь какъ-то необыкновенно пріятно!... Душа у меня вострепелась, сердце забьется сильнѣе, и мнѣ станетъ такъ весело, такъ весело! Взгляну въ твои глазки, вотъ что напрасно ты ихъ рукою закрыла.... закрой ихъ, да слушай только. Безъ тебя я не жилъ, а только томился; кончу ли хоть немного свое дѣло, бѣгу къ тебѣ. Безъ тебя мнѣ весь свѣтъ не милъ.

Не умью рассказать, какъ мнѣ весело близь тебя! Потомъ мнѣ пришла мысль: Галочка тебя не любить!... Слушай же и не закрывайся другою рукою. Когда я расскажу тебѣ всё, тогда дѣлай сомною, что хочешь. Отъ такой мысли, я хотѣлъ отвыкнуть отъ тебя; не буду ей скучать, не буду больше къ ней привязываться, перестану вовсе ходить, не буду ее видѣть, скорѣе умру отъ того; потому-что, не видѣвши тебя и не слышавши твоего голосочка, знаю, что не проживу долго. Вотъ я и пересталъ къ тебѣ ходить и все звалъ смерть къ себѣ....

«И я же.... призывала.... ее!...» всхлипывая, едва проговорила Галочка.

— Какъ это можно? Тебѣ должно жить! даже вскрикнулъ Семенъ Ивановичъ и схватилъ ея руку, началъ опять говорить: Ты утѣха отцу твоему, ты краса міру! Тебѣ должно жить! Пусть я одинъ страдаю! Какъ мнѣ можно жить безъ тебя?... Начто мнѣ и жизнь, когда ты меня не любишь?...

«Кто же это вамъ сказалъ, что я васъ — сказала Галочка прямо, но потомъ едва-едва договорила, да такъ тихо, сладко и пріятно, какъ малиновка оканчиваетъ свою пѣсенку, такъ она окончила: «васъ не люблю?»

— Такъ ты меня любишь, Галочка?... вскрикнулъ Семень Ивановичъ, не помня себя отъ восторга; и схвативъ другую руку ея, сталъ быстро смотреть въ глазки ей, все доспрашивая: скажи, такъ ты любишь меня?

Куда бы скрылась Галочка! Уйти не можно, онъ крѣпко держитъ ее за руки, а тутъ еще въ глаза смотреть и узнаеть въ нихъ, что есть у нея на душѣ. Что ей дѣлать? Куда глаза спрятать? Больше не куда.... приклонилась на плечо къ нему, вотъ онъ и не видитъ ея....

А онъ все просить, руки цалуеть, умоляетъ, чтобъ сказала: любить ли она его хоть немного....

Жалко ей стало его, а на сердце весело.... такъ слёзы же льются, и сама не знаетъ отъ чего.... потомъ, всхлипывая, едва могла проговорить:

«Я не знаю, какъ любить.... а только все то.... что вы рассказывали.... то такъ.... и со мною было безъ васъ.... и я не хотѣла жить безъ васъ.... и хотѣла уме....»

Остальнаго Галочка и не договорила.... Семень Ивановичъ, въ полномъ восторгѣ, обнялъ ее, прижалъ къ сердцу и поцаловалъ....

«Что со мною дѣлается?» тихо сказала Галочка, лежа на рукахъ Семена Ивановича, который держитъ ее почти безъ чувствъ, цалуетъ ее, потомъ взглянетъ ей въ глаза и снова начнетъ цаловать....

«Что со мною дѣлается? Мнѣ такъ хорошо, что я не умѣю и рассказать. Еще какъ начала знать васъ и, было, когда задумаюсь очень, то мнѣ тогда было такъ хорошо.... но нѣтъ.... теперь лучше. Теперь я не понимаю, кто я, гдѣ я и что я? Я точно птичка, выбившаяся изъ темныхъ, густыхъ тучъ; летаю подлѣ яснаго, теплаго, живящаго меня солнца.... не страшно мнѣ, хотя бы и на весь вѣкъ меня постигло несчастье, бѣда и всякое горе; мнѣ ничто теперь не важно! Я имѣла съ вами теперь такую минуту, что и вѣкъ не забуду той радости, какую она мнѣ принесла! Вы меня любите, вы меня цалуете.... вы меня не оставите никогда?...» И съ симъ словомъ обняла его ручками и прижала къ себѣ крѣпко, и заплакавши горько, стала жалобнымъ голосомъ просить его: «Не покиньте, не забудьте меня!... Вы моя душа, и сердце, и утѣха, жизнь, радость!... Не умѣю всего высказать, что у меня на мысли!...»

Много бы она ему еще сказала, такъ Семенъ Ивановичъ не дастъ ей слова выговорить.... цалуетъ ее въ глаза, руки, шею ей цалуетъ и все благодаритъ, что и она его такъ же любитъ. «Теперь — говорить — я не сирота!... И для меня солнце свѣ-

тить.... въ радости вѣкъ доживу. Вотъ идетъ панъ-отецъ; скажу ему, буду просить....»

— Погодите, Семень Ивановичъ! Еще не пора панъ-отцу ничего говорить. Еще мы не посовѣтовались ни о чемъ.... я еще и теперь не соберу въ мысль всего, что мнѣ должно.... Пускай послѣ;... я еще не привыкла къ моему счастью.

«Какъ знаешь, такъ и дѣлай,» сказалъ Семень Ивановичъ: «какъ скажешь, такъ и я буду поступать, потому-что ничего не знаю и не хочу ничего знать, кромѣ того, что ты меня любишь.... что ты моя.... повѣкъ моя!...»

— Повѣкъ! сказала Галочка, и сама отъ всего сердца поцаловала его.... потомъ и разошлись, отъ того, что Алексѣй доходилъ уже до воротъ.

«Гдѣ вы это были, мой милый паночко?» отъ радости вскрикнулъ Алексѣй, войдя въ хату и увидѣвъ Семена Ивановича, и даже подбѣжалъ къ нему, бросился-было ему руки цаловать, такъ онъ не далъ, а обнялъ его и поцаловалъ. «Я за вами крѣпко скучалъ, говорилъ Алексѣй: и потерявъ терпѣніе, ходилъ даже къ вамъ. Денщикъ вашъ сказалъ мнѣ, что вы пошли на Гончаровку; такъ я—давай Богъ ноги!—скорѣе сюда. Гдѣ вы это были?»

— Разныя дѣла случились, сказалъ Семень Ивановичъ: некогда было приходить къ вамъ. Я и самъ такъ-было загрустился, что совсѣмъ пришлось умирать. Говоря это, глянулъ на Галочку.... а она тотчасъ поняла, къ чему онъ это говоритъ, такъ скорѣе и перехватила:

«А ну-те, не вспоминайте уже про смерть! На этомъ свѣтѣ такъ хорошо, весело!... а тамъ, что еще будетъ, не знаемъ. Станемъ тутъ жить въ счастьи, въ любви, пока совсѣмъ состарѣмся.»

— Такъ, Галочка, такъ! сказалъ Семень Ивановичъ, не помня самъ себя отъ восторга: не отгоняйте только меня отъ себя.... будемъ жить въ любви....

Галочка тотчасъ поняла, къ чему онъ склоняетъ рѣчь и поспѣшила прервать его: то угощала его, то обѣдъ приготовляла.... такъ что же? Семень Ивановичъ, узнавши радость, постигнувъ счастье отъ чистой, искренней любви, ничего и не желаетъ и ни о чемъ болѣе не думаетъ: такъ веселъ, какъ еще и не видали его никогда; говорливъ за всѣхъ.... Галочка также, земли подъ собою не чувствуетъ, бѣгаетъ, мечется, въ глаза ему засматриваетъ, къ отцу подбѣгаетъ, шутить, смѣется.... И Алексѣй радуется, видя, что они такіе веселые. Когда спросилъ онъ у Семена Ивановича, будетъ ли попрежнему часто

приходить? Такъ тотъ и намѣкнулъ сходно съ своимъ намѣреніемъ:

— «Я—говорить—не только буду къ вамъ приходить, но думаю, съ вами и вѣкъ жить, когда только примете....»

Алексѣй взглянулъ на него.... и только-что думалъ спросить, къ чему онъ это говоритъ, какъ Галочка, внимательно за нимъ наблюдавшая, опять его прервала и чрезъ цѣлый день вовсе не допустила Семена Ивановича ни словомъ изъяснить о своемъ намѣреніи.

Пріятно, хорошо, весело прошелъ весь день какъ одинъ часъ, и не замѣтили, какъ вечеръ насталъ; надобно расходиться.

Прощаясь Семенъ Ивановичъ сказалъ: когда бы совершилось мое счастье, чтобы я съ вами цѣлый вѣкъ былъ!...

«Что это онъ сказалъ, доня?» спрашивалъ Алексѣй у Галочки, проводивши Семена Ивановича. «Что это онъ все заговариваетъ, что какъ бы ему повѣкъ жить съ нами? А?»

— Не знаю, таточка!—сказала Галочка равнодушно, а сама прибирала миски, ложки и все отъ

ужина.— Не къ-тому ли онъ говорилъ... что никакъ квартиры имъ будутъ на Гончаровкѣ... что ли, не знаю вовсе.

«Не знаю и я» сказалъ Алексѣй, и смотря долго на Галочку, какъ она прибирала все покойно и не обращала на его слова вниманія, потомъ перекрестилъ ее, вздохнулъ и, сказавши: «ты моя дочечка!» пошелъ въ свою свѣтлицу спать.

И Галочка легла въ постель, но сонъ далеко отъ нее. Только и слышно, какъ она тяжело вздохнетъ... поплачетъ тихо... проговорить: «что же съ этого будетъ?» и пустится размышлять. Послѣ довольно громко начала говорить сама съ собою: «Чего же я горюю? Ужъ конечно и онъ такъ же располагаетъ? Такъ и поступимъ, такъ и будемъ жить... Ахъ, какъ это будетъ хорошо!... Какъ я счастлива буду!... Душа во мнѣ радуется!... Онъ меня будетъ любить, пока я умру... а я, черезъ то, долго-долго буду жить; потому... что въ счастья... и вѣрной... любви...» Тутъ она и не почувствовала, какъ заснула, думая о своемъ счастьи...

Спи, Галочка, не просыпайся! Мы счастливы въ мечтѣ, а мечта—сонъ... не просыпайся, бѣдная!...

Надобно же было такъ случиться, что утромъ пришелъ къ Алексѣю человѣкъ, съ которымъ они

вмѣстѣ купили лѣсъ, и нужно было имъ распорядить, что назначить въ продажу, а что, подчистивъ, оставить расти. Алексѣй зналъ въ этомъ толкъ, и ему необходимо должно было ѣхать. Алексѣй подумалъ, перекрестилъ Галочку, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза и, ничего не сказавши, побѣжалъ. Дочь постигла мысль его и въ мысляхъ сказала: «Нѣтъ, таточка! ты же самъ вчера сказалъ, что я *твоя* дочь!»

Не долго—Семенъ Ивановичъ уже и явился. Какъ свидѣлись, такъ будто цѣлый годъ не были вмѣстѣ. Намиловавшись, какъ случается между молодыми людьми, любящимися, Семенъ Ивановичъ посадилъ Галочку подлѣ себя и началъ говорить:

«Не стану я тебѣ, милая моя Галочка, рассказывать, какъ ты меня осчастливила любовью своею!... Когда меня точно искренно любишь, такъ душа твоя знаетъ такое счастье...»

— Знаетъ, мой соколикъ! И нѣтъ такихъ словъ, коими бы можно было изъяснить... — такъ сказала Галочка, приголубиваясь къ нему.

«Такъ, моя зоречка! И я не умѣю его изъяснить. Зная свое сердце, такъ знаю и твое: какъ я буду любить тебя по весь мой вѣкъ, такъ и ты не оставишь меня и не забудешь меня никогда!...»

— Захочу ли я своей смерти? Знаю, что если бы я только подумала, не что болѣе, а только любить тебя меньше, какъ теперь люблю, то тутъ же съ тоски бы и умерла! Черезъ то и живу, что люблю и тобой любима!... Проживетъ ли рыбка безъ водицы? развѣтетъ ли цвѣточекъ безъ росочки небесной? Такъ и я не проживу безъ твоей любви!... Перестанешь меня любить, я тутъ же умру, но и умирая, такъ же буду любить, какъ и теперь!...

«Когда меня такъ любишь... Галочка! сдѣлаешь ли все для моего счастья?»

— Что хочешь, прикажи: пошли меня на край свѣта... да нѣтъ на свѣтъ той силы, которая бы удержала меня отъ любви къ тебѣ; а потому и нѣтъ того на свѣтъ, чего бы я, отъ истинной любви моей, не сдѣлала для тебя...»

«Какое блаженство!» сказалъ Семенъ Ивановичи, поцаловавъ ее страстно, примолвилъ: «Галочка!... я не могу жить безъ тебя!... Я женюсь на тебѣ... выйди за меня!... Куда же ты встаешь?»

Услышавши такое предложеніе, Галочка подняла съ его плеча свою головку, гдѣ все лежала, и освободивъ тихонько отъ него свою руку, встала... и стала подлѣ него... Господи! блѣдная, какъ полотно,

ручки сложила на груди, дышитъ тяжело и не можетъ выговорить слова.

Семень Ивановичъ, удивясь, спрашиваетъ ее: «Галочка! чего же ты? скажи мнѣ, надѣяться ли мнѣ на такое счастье? скажи...» и хотѣлъ-было взять ее за руку... Но она отступила еще подалѣе отъ него и едва могла проговорить:

«Что... это вы... ваше благородіе!...» и съ этимъ словомъ поспѣшила ухватиться за столъ, чтобы не упасть... Тяжкая година для нея пришла!

— Галочка!—вскричалъ Семень Ивановичъ внѣ себя:—или мнѣ такъ слышалось?... Кому ты это говоришь?... кого величаешь?...

«Васъ,» сказала Галочка уже твердымъ голосомъ.

— Такъ ли тебѣ со мною должно говорить?...

«Такъ! когда вы сами забыли себя, такъ простая дѣвка, мужичка, напоминаетъ вамъ о вашемъ званіи.»

— Съ чего ты такъ начала?

«Вамъ не прилично того и думать, что вы мнѣ теперь сказали!» говорила Галочка съ нѣкоторою суровостью.